

ГЕНДЕР В БЕЛОРУССКОЙ, ЧЕШСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ

Резюме. Рассматривается проблема отражения гендера в языке на уровне фразеологии. Данный вопрос разбирается на материале трех славянских языков – белорусского, польского и чешского. Предпринимается попытка ответить на вопросы, отражает ли гендерная асимметрия социальные процессы, как это происходит на уровне фразеологии и какие из указанных языков проявляют большее сходство, а какие – отличие. Можно говорить о том, что идиоматика отражает не только укоренившиеся представления о гендере, а именно превосходство мужчины над женщиной, но и новые общественные тенденции, существенно изменившие положение женщины. Анализ и сравнение собранного фразеологического материала показывает, что основные представления о гендере в белорусском, польском и чешском языках совпадают. В то же время в каждом из языков насчитывается относительно большая группа фразеологизмов, выражающая специфичные представления о гендере.

Ключевые слова: гендер; гендерная лингвистика; фразеология; Беларусь; Польша; Чехия; концепт; славянские языки; лингвокультурология; культура; общество; семантика; компаративные исследования; языковая картина мира.

Abstract. The article discusses the problem of gender in language. The issue is examined on an example of phraseology material of three Slavonic languages – Belarusian, Polish and Czech. The paper makes an attempt to answer, if gender asymmetries reflect social processes, how it proceeds on the phraseology level of the language, which of the mentioned languages are close to each other and which differences we can find among them. The article also tries to answer the question, if any social changes and modern tendencies are registered in the phraseology. It turns out that the idiomatic shows not only traditional conceptions, but also some new social tendencies, which have changed the position of women in society. Analysis and comparing of the gathered for this work idioms shows, that there is a common basic conception of gender phenomenon for Belarusian, Polish and Czech languages. At the same time each of the languages contains rather large group of idioms which represents specific view of gender.

Key words: gender; gender linguistics; phraseology; Belarusian; Polish; Czech; concept; Slavonic languages; lingual culturology; culture; society; semantics; comparative research; Lingual/national image of the world.

Настоящая статья представляет результаты исследования, посвященного рассмотрению гендерных аспектов славянской фразеологии*, и исходит из материала трех славянских языков соседствующих культур белорусского, польского и чешского народов. Анализ фразеологизмов (прежде всего семантики, несущей информацию о гендерных представлениях, но также и вспомогательных характеристик фразеологизмов (комментарии, приводимые в источниках: коннотация, частотность, ситуации употребления фразеологизмов и др.) и гендерных компонентов) проводится с целью обнаружения, описания и сравнения следов представлений о гендере, нашедших отражение в языке. Заранее можно высказать следующие предположения: 1) гендерная асимметрия отражает социальные процессы и тенденции; 2) белорусский и польский языки проявляют большее сходство, нежели белорусский и чешский.

Материалом для исследования послужили белорусские, польские и чешские фразеологизмы, отобранные из лексикографических источников методом сплошной выборки на основе таких признаков, как: а) семантика, относящаяся к каким-либо характеристикам мужчины или женщины (внешность, поведение, возраст, общественное и семейное положение, их взаимные отношения и т. д.); б) компонентный состав, включающий какие-либо указания на мужчину или женщину (напр., бел. *мужчына, жанчына, мужык, баба, жаночы, бабскі*). Количество фразеологизмов составило 1589 единиц, из них 524 – в белорусском языке, 517 – в польском и 548 – в чешском.

В качестве источников послужили следующие словари: Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 2008. Т. 1–2; Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977–1984. Т. 1–5; Янкоўскі Ф. М. Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне. Мінск, 1968; Мяцельская Е. С., Камароўскі Я. М. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972; Лепешаў І. Я. 3 народнай фразеалогіі: дыферэнцыяльны слоўнік. Мінск, 1991; Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 2004; Янкоўскі Ф. М. Беларускія народныя параўнанні. Кароткі слоўнік. Мінск, 1973; Янкоўскі Ф. М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мінск, 2004.

Для польской части основным источником стал Słownik frazeologiczny PWN z Bralczykiem. Warszawa, 2008; также использовались Müldner-Nieckowski P. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 2004; Anusiewicz J., Skawiński J. Słownik polszczyzny potocznej. Warszawa ; Wrocław, 1996.

Чешские фразеологизмы извлекались из работы Slovník české frazeologie a idiomatiky (Přirovnání, Výrazy neslovesné, Výrazy slovesné). Praha, 1983, 1988, 1994. díl I–III.

Как дополнительные источники для всех языков (но особенно белорусского) послужили некоторые переводные словари, интернет, тексты газет и художественной литературы.

Необходимо отметить, что по количеству фразеологизмов указанный чешский словарь (16 000) сравним с соответствующим польским источником (разница обусловлена различными подходами к составлению, кроме прочего, чешский словарь ввиду специфики составления многие варианты представляет в отдельных словарных статьях), в то время как белорусский словарь Лепешева содержит 8000 единиц. Этим объясняется большое количество дополнительных источников в белорусском языке.

Исследование фразеологии в гендерном аспекте затрагивает вопрос влияния общественных отношений на мышление носителей языка, а значит, и на сам язык. В данном случае ключевым становится вопрос восприятия обществом ролей мужчины и женщины. Не может быть сомнений в том, что языки по-разному отражают их неравное положение в обществе (см. Кирилина 1999). Одним из проявлений этого феномена является асимметрия языка (гендерная асимметрия или андроцентризм языка), т. е. неодинаковая представленность лиц мужского и женского пола в языке. Факты асимметрии обнаруживаются на разных уровнях языковой структуры, где в той или иной форме находят свое отражение представления о гендере.

Основным проявлением гендерной асимметрии является нейтральность мужского рода и маркированность женского, что обусловлено прежде всего функцией категории рода в грамматической системе, где эта категория в целом является десемантизированной: ее мотивированность произошла в относительно поздний период только в области номинации одушевленных существительных, где она «наслоилась» на более раннее явление – немаркированность и маркированность двух родов (см. Шульга 1997, 26).

* В данной работе фразеологизмом считается единица со следующими обязательными признаками: наличие семантического сдвига (переоценка исходного значения словосочетания как единого целого), потеря первоначального значения хотя бы одним из компонентов и устойчивость данного словосочетания.

Данный вопрос вызывает множество дискуссий. В этом случае на фоне других славянских языков очень интересен чешский пример. На страницах лингвистической научной литературы ведутся споры о феномене языковой асимметрии и влиянии этого фактора на восприятие гендера в обществе. Это касается работ таких авторов, как Я. Валдрова (см. Valdrová 1997, 2001, 2008); С. Чмейркова (см. Čmejřková 1995, 1996, 1997, 2002), Ф. Данеш (см. Daneš 1997), Я. Гоффманнова (см. Hoffmannová 1995), Я. Хромы (см. Chromý 2008). Несмотря на появление некоторых работ, ратующих за сокращение случаев употребления мужского рода как беспризнакового при номинации групп людей обоих полов (см. названные работы Я. Валдровой), большинство лингвистов сходятся во мнении, что беспризнаковость мужского рода пронизывает всю языковую систему, поэтому ее устранение в целях достижения справедливости в отношении к положению женщины в обществе невозможно.

И все же в чешском языке в сравнении с другими (например, восточнославянскими языками) наблюдаются активные процессы «нейтрализации» явления языковой асимметрии. И хотя эти процессы происходят медленнее, чем хотелось бы феминистически настроенным лингвистам, поверхностные изменения, с помощью которых можно подчеркнуть присутствие женщины (женщин) при назывании той или иной ситуации, происходят. Среди прочего можно наблюдать сокращение случаев использования мужского беспризнакового рода в номинациях групп, включающих мужчин и женщин, использование женского рода для обозначения профессий, титулов или должностей, занимаемых женщинами, и др. Указанные явления касаются речи, основным же признаком процесса постепенной феминизации языка являются системные изменения, в данном случае активизация словообразовательных процессов, когда происходит систематичное образование форм женского рода от форм мужского рода (ср. и такие примеры, как *magistra* от *magistr* 'магистр', *labradorka* от *labrador* 'лабрадор', *organizátorka* от *organizátor* 'организатор' или даже *Zlatá Ámoska* от *Zlatý Ámos* 'Золотой Амос' (имеется в виду победительница конкурса учителей «Золотой Амос», получившего свое название от имени Ян Амос Коменский). Причем происходит не только активное образование существительных при помощи нейтральных суффиксов (-ka, -ice), но и потеря негативной коннотации некоторыми суффиксами (напр.: -yně-, ср. *hokyně* 'торговка', *trhovkyně* 'торговка', *vězenkyně* 'заключенная' vs. *poradkyně* 'женщина-советник', *poslankyně* 'женщина-депутат') (см. Lendělová 2010).

Нас интересовало, проявляется ли асимметрия на уровне фразеологии, как это происходит и насколько выражено это явление. Приведенный материал подтвердил, что, в то время как в концепте 'женщина' присутствуют в основном женские характеристики, концепт 'мужчина' содержит представления об общечеловеческих качествах (см. Першай 2002). Поэтому в ряде случаев наблюдается распространение значения фразеологизмов на женский род у идиом, в основе которых лежит представление о мужчине (ср. чеш. *dělat z někoho vola* 'выставлять кого-л. в глупом, нелепом виде', где компонент *vůl* 'глупец' – бранное выражение, употребляемое в отношении мужчин). Кроме того, существует множество примеров, в которых значение фразеологизма формирует именно компонент мужского рода (напр.: бел. *бацькоўскі край, сын свайго часу, духоўны бацька*).

В то же время можно говорить о противоположной тенденции, когда прослеживается возникновение «женских» пар для фразеологизмов с мужским референтом (напр.: бел. *наш брат – наша сястра*, пол. *być panem swojej woli – być panią u siebie* 'быть себе хозяином'). Постоянное появление новых идиом такого типа свидетельствует о том, что язык отражает изменение положения женщины в обществе, когда все более утверждается и расширяется ее роль в общественной жизни (ср. также относительно новые чешские выражения со словом *paní*: *paní domu* 'хозяйка дома'; *být paní něčeho, něčích tužeb, snů, tvůrčích vnutří, něčího srdce* 'быть хозяйкой чего-л., чьих-л. желаний, снов, творческого вдохновения, чьего-л. сердца'; *být, stát se paní situace*) (см. Balowski 2001, 390).

Немаловажно, что в единичных примерах встречается беспризнаковость женского члена оппозиции, существование таких примеров свидетельствует о потенциальных возможностях языка (напр.: чеш. *být děvečka pro všechno*).

Изменениями в общественной жизни можно объяснить и другие явления, находящие отражение в языке, к примеру, противоречия, наблюдаемые в самом концепте 'женщина'. Как было сказано, сегодня женщины-европейки существенно изменили свое положение в обществе и могут выполнять практически все (ранее исключительно мужские) роли в профессиональной жизни, в спорте и т. п. С этим связано и изменение отношения к ней, о чем, кроме прочего, свидетельствует языковой материал (см. Норман 2004). Например, в белорусском языке появился целый ряд выражений для обозначения новых позиций, занимаемых женщиной: *жанчына-прадпрымальніца, дзелавая жанчына, бізнес-вумэн, занятая жанчына, жанчына-кіраўнік, бізнес-лэдзі, жанчына-лідар* и др. (или даже окказионализмы типа *бізнес-цётка*), эти неидиоматичные устойчивые словосочетания часто дополняют такие положительные характеристики, как *разумная, жвавая, энергічная*. Можно привести примеры и из области фразеологии (напр., *гаспадыня свайго жыцця, сама сабе гаспадыня*). В то же время сохраняют актуальность стереотипы о неприемлемости поведения женщины, если оно выражает сексуальную активность (бел. *вешацца, павесіцца каму на шыю, круціць хвастом, хадзіць па руках*), имплицитно язык сохраняет информацию также о пассивной роли женщины в традициях заключения брака (бел. *выдаць, выдаваць, аддаць замуж*) и др.

Выше было намечено несколько общих тенденций. Сравнение языков позволяет выявить более конкретные общие черты и отличия во фразеологии белорусского, польского и чешского языков. Подсчет и сравнение соотношения отобранных нами для данного исследования фразеологизмов с мужским референтом и фразеологизмов с женским референтом показали, что в белорусском языке в целом преобладают последние, в то время как в польском и чешском языках можно наблюдать обратную ситуацию (табл. 1).

Таблица 1

Количественное соотношение фразеологизмов с мужским и женским референтом

Род	Язык		
	белорусский	польский	чешский
f.	223	184	196
m.	178	209	269
f./m.	1,2	0,9	0,7

В отношении белорусского языка следует отметить, что данный результат подтверждает тезис о том, что женщина воспринимается носителями языка как маркированный член оппозиции, вследствие чего ему уделяется большее внимание, «она активнее номинируется количественно и определяется четче, в то время как избыточное номинирование немаркированного члена – мужчины – не требуется» (Першай 2002, 14).

В чешском материале наблюдается противоположное явление – значительное преобладание мужских характеристик. Такой результат можно сравнить с выводами, к которым приходит А. В. Кирилина (см. Кирилина 1999). В ее исследовании сопоставляется гендерная фразеология русского и немецкого языков (оставивших заметный след в развитии белорусского (со стороны русского) и чешского (со стороны немецкого) языков). В указанной работе подчеркивается большая значимость женщины и «женского голоса» в русском языке, чем в немецком, и подтверждается тезис феминистической лингвистики о «замалчивании» (*Unsichtbarmachung*) женщин в немецком языке (см. Pusch 1981), что, кроме прочего, объясняет меньшую количественную репрезентацию женских фразеологизмов в немецком языке, чем в русском. Такое истолкование данного факта, по-видимому, применимо также к аналогичному явлению в чешском языке.

Разницу в плане выражения и в плане содержания фразеологизмов в разных языках легко проследить, разделив фразеологизмы по степени их эквивалентности по отношению к исходному (в данном случае белорусскому) языку. Нами было выделено пять возможных групп эквивалентов: полные, частичные, относительные эквиваленты, фразеологические аналоги и нулевая эквивалентность (табл. 2, 3).

Под **полными** эквивалентами подразумеваются фразеологизмы, совпадающие в формальном и семантическом планах, причем в плане выражения допускаются небольшие различия (напр.: род, число компонентов и под.): бел. *базарная баба* – пол. *baba z bazaru*; бел. *бацькоўскі край* – пол. *ziemia ojca*; **частичная** эквивалентность включает единицы с одинаковой или похожей образностью и схожей структурой, но с разным компонентным составом (напр., бел. *трымаць пад абцасам каго* – пол. *trzymać, mieć kogoś pod pantoflem* – *trzymać, węzić kogoś przy fartuchu*, чеш. *držet někoho pod pantoflem*; под **относительными эквивалентами** мы понимаем выражения, в которых метафорический перенос значения происходит на основании одного и того же признака, но в основе фразеологизмов разное образное основание: бел. *дзеўка як вішня* – пол. *apetyczna panna* – чеш. *být k nakousnutí*; к **фразеологическим аналогам** относятся эквиваленты, совпадающие в своем значении, но обладающие различной структурой и мотивацией: бел. *застацца ў дзеўках* – чеш. *zůstat, zkysnout na oset*); **нулевые эквиваленты** – единицы, встречающиеся в рамках нашего материала только в одном из языков: бел. *цялушкай хадзіць*.

Таблица 2

Белорусские фразеологизмы в отношении к польским и чешским по степени эквивалентности

Степень эквивалентности	Язык	
	польский	чешский
Полная	108 (21 %)	91 (17,5 %)
Частичная	77 (15 %)	58 (11 %)
Относительная	78 (15 %)	92 (18 %)
Фразеологические аналоги	150 (29 %)	170 (33 %)
Общее число фразеологических эквивалентов	413 (80 %)	411 (79,5 %)

Фразеологизмы с нулевой эквивалентностью в белорусском, польском и чешском языках

Степень эквивалентности	Язык, общее число фразеологизмов		
	белорусский (524)	польский (517)	чешский (548)
Нулевая	125 (24 %)	142 (27,5 %)	166 (30 %)

В результате подсчета количественного содержания указанных групп эквивалентов мы пришли к следующему результату. Несмотря на некоторые межъязыковые отличия*, количественные данные свидетельствуют о близости как чешского, так и польского языков белорусскому. Это объясняется как близостью исследуемых языков, так и общностью представлений о гендере в соседствующих славянских культурах. В то же время наблюдается противоположная тенденция, когда в каждом из языков присутствует относительно широкий круг оригинальных устойчивых оборотов, являющихся в рамках нашего материала безэквивалентными (от 24 до 30 %) и представляющих специфичное восприятие гендера в исследуемых языках. Это свидетельствует о том, что каждый из языков содержит ряд своеобразных представлений о гендере, отражающихся в семантике фразеологизмов, их образности, определенных значениях, характерных только для одного из языков.

Квантитативные характеристики материала подтверждает и дополняет анализ семантики фразеологизмов**. Большую степень общности обнаруживают фразеологизмы, заимствованные из других языков (бел. *саламяны ўдавец* – пол. *ślomiany wdowiec* – чеш. *(být) slaměný vdovec*) или из одного из исследуемых языков (бел. *відно пана па халявах* – пол. *znać pana po cholewach*). Общие черты могут иметь также национальные фразеологизмы, что связано с совпадениями некоторых представлений в разных культурах (пол. *traktować kogoś, coś po macoszemu* – чеш. *chovat se k někomu, k něčemu macešsky* ‘вести себя с кем-то слишком строго, предвзято’). В таких случаях речь идет о «параллельных фразеологизмах».

Привлекают внимание отличия в исследуемых языках. Они могут быть обусловлены разными факторами, например особенностью грамматических систем или языковых картин мира конкретных языков. Например, выражения бел. *другая, дарагая палавіна* – пол. *czyjaś lepsza, druga połowa* – чеш. *druhá, lepší, drahá polovička* совпадают как по форме, так в своем значении и коннотации, однако отличаются гендерной семантикой: чешский фразеологизм используется по отношению к женщинам, в то время как польский и белорусский эквиваленты применимы к обоим полам.

Некоторые идиомы интересны тем, что при общности значений и переосмысляемых в метафоре признаков их отличает образность, отражающая различные реалии. Так, фразеологизмы бел. *хлопчык на пабягушках* – пол. *chłopak na posyłki, chłopak od wszystkiego* – чеш. *děvečka pro všechno* совпадают в значении ‘человек, выполняющий всевозможные мелкие и несложные поручения’. Здесь в случае белорусского и польского фразеологизмов образность основана на том, что раньше на посылах служили мальчики, которые выполняли различные несложные поручения за минимальную плату (см. Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, 542). Чешский же эквивалент (совпадающий по структуре с одним из польских вариантов – *chłopak od wszystkiego*) отсылает к другой реалии – в хозяйствах богатых крестьян и поместьях за небольшую плату служили женщины (чаще молодые), выполнявшие всевозможную работу (ср. также фразеологизм *zacházet s někým jako s děvečkou* ‘проявлять к кому-л. высокомерное, унижительное отношение’). Приведенные чешские идиомы замечательны также тем, что их употребление (изначально в отношении женщин) расширилось и на мужской референт (ср. Шульга 1997, где на основании анализа морфологического материала утверждается, что немаркированным может быть только мужской род).

Во фразеологии каждого из языков встречаются символы, характерные только для конкретной культуры. Приведем несколько примеров. Так, лишь для белорусского языка типично отождествление женщины с кукушкой (причем, что немаловажно, во фразеологизмах с положительной коннотацией): *начная язюля, адна нібы язюля, жыць як язюлька*. Этот языковой факт связан с народными представлениями, в соответствии с которыми кукушка ассоциируется с образом женщины. В чешском языке образ лягушки (*žába*) отождествляется с молодой привлекательной девушкой (*hezka žába*), в то время как в среде носителей польского и белорусского языков этот символ имеет только негативные характеристики (ср. *жаба апоўзлая*). В польском и чешском языке (в отличие от белорусского) частотны фразеологизмы, обозначающие женщину с резким, деспотичным характером, напр.: пол. *baba jak*

* Фразеологизмы белорусского и польского языков чаще совпадают на формальном и семантическом уровнях (полные и частичные эквиваленты), а белорусские и чешские идиомы проявляют большее сходство в группах фразеологизмов с общей семантикой, но различным планом выражения. Ввиду небольшой разницы на данном этапе нельзя сделать вывод о том, что более отдаленные языки в данном случае сближаются на уровне значений и метафор. Возможно, разница между языками проявилась бы при проведении дополнительных исследований в расширении лингвистического материала, напр., на область паремииологии.

** Ввиду ограниченного объема данного текста здесь мы ограничиваемся несколькими примерами. Подробнее об этом см.: Kedron 2010.

dragon, чеш. *ženská jako grenadýr, generál*. Для белорусского языка в большей степени, чем для чешского и польского, характерно выражение во фразеологии роли и положения мужчины и женщины в семье (например, сравнения, выражающие отношения матери и детей – *плакаць як па матцы хата*; свекрови и невестки – *чужая як сваякруха ліхая*; зятя и семьи жены – *у зяцяў жыць*; зятя и тещи – *толькі чешчу вазіць*; свекра и невестки – *збірацца як свёкар пялёнкі мыць*).

Анализ нашего материала показал, что в исследуемых языках совпадают основные представления о гендере. Это свидетельствует об общей для них модели данного социального феномена. Различия обнаруживаются в конкретных образах и символах. Разница между языками проявляется также в более активной номинации женщины, чем мужчины, в белорусском языке (что, скорее всего, связано с маркированностью компонента *женщина* в оппозиции *мужчина – женщина*) и, наоборот, в меньшей репрезентации фразеологизмов с женским референтом в чешском языке (что может быть следствием фактора другого порядка – так называемые замалчивания женщины в языке). Польский язык в этом отношении приближается к чешскому, однако в целом разница между мужскими и женскими фразеологизмами здесь не очень выразительна, поэтому можно говорить о том, что он занимает промежуточное положение. Во фразеологии, а именно в образности идиом, особенностях их употребления (например, в отношении к мужчинам и женщинам), возникновении «мужских» или «женских» вариантов, отражаются и другие социальные явления, прежде всего изменение положения женщины в обществе и освоение новых ролей. В целом можно сказать, что вопреки сделанному в начале работы предположению с точки зрения типологии все три языка проявляют общность на всех уровнях эквивалентности, в то же время каждый из языков содержит относительно большую группу специфичных (в рамках нашего материала) фразеологизмов, отражающих оригинальные представления о гендере в данной культуре. Подчеркнем, что выводы и заключения, представленные в данном тексте, сделаны на основе ограниченного материала. Их возможное дополнение, уточнение и расширение может реализоваться в дальнейших исследованиях на данную тему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2007.
 Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
 Норман Б. Ю. Когнитивные аспекты паремииологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестн. 2004. Вып. 2. С. 246–256.
 Першай А. Ю. Репрезентация гендерных отношений во фразеологии : дис. ... канд. филол. наук : 10.07.19. Минск, 2002.
 Шульга М. В. Славянский грамматический род: привативная оппозиция // Вopr. языкознания. М., 1997. № 3. С. 26–39.
 Bałowski M. Czeskie frazeologizmy z semem žena (wstęp do jezykowego obrazu kobiety) // Frazeografia słowiańska. Opole, 2001. S. 387–398.
 Čmejrková S. Jazyk pro druhé pohlaví // Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 146–158.
 Čmejrková S. Kdo je ty? Jazyk pro dívčí časopis aneb syntetizovaná čtenářka // A. Macurová, I. Nebeská [eds.]: Jazyk a jeho užívání. Praha, 1996. S. 265–274.
 Čmejrková S. Rod v jazyce a komunikaci: specifika češtiny // Slovo a slovesnost. Roč. 63. 2002. S. 263–286.
 Čmejrková S. Žena v jazyce // Slovo a slovesnost. Roč. 56. 1995. S. 43–55.
 Daneš F. Ještě jednou «feministická lingvistika» // Naše řeč. Roč. 80. 1997. S. 256–259.
 Hoffmannová J. Feministická lingvistika? // Naše řeč. Roč. 78. 1995. Č. 2. S. 80–91.
 Chromý J. K článku Jany Valdové «Žena a vědec? To mi nejde dohromady». Naše řeč 91. 2008. Č. 4. S. 197–200.
 Kedron K. Genderové aspekty v jazyce (na příkladech běloruské, polské a české frazeologie). Brno, 2010.
 Lendělová V. Алла М. Архангельська: «Чоловик» у слов'янських мовах. Recenze // Slavica. Roč. 79. Praha, 2010. Seš. 2. S. 195–198.
 Pusch L. Das Deutsche als Männersprache // Linguistische Berichte. 1981. S. 59–74.
 Valdová J. K české genderové lingvistice // Naše řeč. Roč. 80. 1997. Č. 2. S. 57–63.
 Valdová J. Novinové titulky z hlediska genderu // Naše řeč. Roč. 84. 2001. S. 90–96.
 Valdová J. «Žena a vědec? To mi nejde dohromady». Testy generického maskulina v českém jazyce // Naše řeč. Roč. 91. 2008. Č. 1. S. 26–38.

Поступила в редакцию 26.02.2014.

Екатерина Михайловна Кедрон – научный ассистент Института восточноевропейских исследований Карлова университета (Чехия).